НОВАЯ ГАЗЕТА
№ 51 (523)
28 декабря 1998 г. — 3 января 1999 г.

Елена ДЬЯКОВА, корреспондент «Новой газеты»

ЧТО Я МОГ СДЕЛАТЬ ОДИН?

Студенческий театр МГУ сорок лет назад сумел сделать многое

Первый (выходит из-за кулисы, долго ждет, что-то обдумывая, останавливается на авансцене). А что я мог сделать один?

Второй (выходит с противоположной стороны). Ну а что я один мог сделать?

Третья (выбегая). А что я могла сделать одна?

Выходят все остальные. Каждый произносит по-своему одну и ту же фразу: «Ну, а что я мог сделать один?». Ходят по сцене, не замечая друг друга. Затем постепенно в этом хаотическом движении начинает появляться какая-то закономерность, общий ритм. В конце концов люди выстраиваются в две ровные шеренги и, шагая в ногу, хором скандируют.

Все. Что я мог сделать один?! Что я мог сделать один?! Что я мог сделать один?!

Бодрым маршем они уходят со сцены.

Не-а, это не Брехт. Не Орузаль. И (тьфу-тьфу-тьфу по дереву! Чур меня, чур!) это не сценарий новогодней программы «Куклы». Это миниатюра Евгения Вишневского из Новосибирского Академгородка, ставшая сценой спектакля Студенческого эстрадного театра МГУ «Наш дом». Дело было в начале 60-х... Страна подняла в космос первые аппараты и начала производить для населения холодильники, в Ленинграде имело место культурное событие — выставка репродукций новой европейской живописи, слово «изнаэс» звучало звонко, а однокоренных слов МММ и ПМЖ вовсе не было. Воздух страны, точно салютом в 1945 году, взорвался надеждой!

Театр «Наш дом» основали три молодых человека предипломного возраста: Медик, Инженер и Журналист — Альберт Аксельрод, Илья Рутберг и Марк Розовский вскоре после Фестиваля молодежи и студентов 1957 года. Юную Москву опарашили гастроли студенческих театров Польши. В труппе Ганьского «Бим-Бом» играл студент Збигнев Цибульский, он стал всемирно известным актером вскоре после фильма Анджея Вайды «Пепел и алмаз». В труппе Варшавского театра СТС состояла студентка Барбара Брыльска, Агнешка Осецка писала для этой труппы песни. Польской поэтессе посвятил Окуджава свою «Агнешку». Потертые костюмы, крик гармоник, сражение за свободу складывались тогда в систему ценностей и систему образов.

Самодеятельный студенческий эстрадный театр МГУ открылся 27 декабря 1958 года. Благословил Аркадий Райкин, поздравил Светлов. У них был реквизит: восемь крупных кубов приметного цвета. Была сценическая конструкция — сборно-разборная платформа, умевшая принимать наклонное положение. Была актерская униформа: черные свитера, белые воротнички рубашек, узкие, отглаженные брюки мышиного цвета... И поначалу — согласно уставу самодеятельной студии — без галстука на репетицию не пускали.

Время было еще наивным-пренаивным. И понимало уже очень много... Вот теплит желчь «Дискуссия на скользкую тему»: собрание. Бумажку с темой Председатель потерял. Говорят с разном:

Председатель. Вообще стоит кому-то дать по рукам?

Парень. Стоит.

...**Председатель.** Ну, вот и спасибо вам! За очень интересное, но спорное выступление.

... **Школьник.** У нас на уроке часто задают вопрос о тлетворном влиянии Запада. Для того, чтобы нам показать тлетворное влияние, нас учительница повела на «Великолепную семерку». Нам фильм очень понравился. Но мы все-таки не поняли тлетворного влияния Запада. Тогда она нас повела на «Ночи Кабирии». Нам фильм опять очень понравился, но мы опять не поняли тлетворного влияния. Тогда нас повели на «Человек-амфибию». И тут-то мы наконец по-настоящему поняли тлетворное влияние Запада. За это учительница обещала показать нам «Сладкую жизнь».

И вдруг — происходит... Полный сюм сюжета! Уровень комизма — совершенно другой.

Председатель. Нашел! Вот она! Тема... Я ее в этом кармане ищу, а она в этом... Тема нашей дискуссии была (читает) «Существует ли бог? Если да, то как нам перестроить антирелигиозную пропаганду?» Товарищи, так как все, что тут говорилось, лишний раз подтверждает, что бога нет, считаю тему исчерпанной и дискуссию закрытой.

В этих же ранних спектаклях — эшелоны летели на целину и только **Мещанин** игнорировал сообщение: «От Москвы до Байкала — на электричке! Самая длинная электромагистраль в мире!».

И сегодня Марк Григорьевич Розовский говорит:

— Эта антисоветчина была... как сказать? — антисоветчиной патриотов!

И еще — о том, что зарплат не было, денег на реквизит не было, официального статуса не было.

— Да, самодеятельный! Но это был — театральный самиздат! С иной, не тогдашней степенью свободы. И мы этот театр держали — двенадцать лет!

...Когда они начали создавать на гастроли, сложилась четкая формула. Какие условия нужны театру «Наш дом»?

— Стол. Пять стульев. И — Ленина задернуть...

Труппу собрали из студентов и вчерашних выпускников МГУ, МИСИ, МФТИ... Специального образования не имел, кажется, никто. Славились не столько остротой репризы, сколько театральной метафорой, пластикой, музыкальностью. На вопрос: как же это? — отвечают теперь:

— Репетировали до одури, пока не получалось.

Клуб есть клуб. В месяце — восемнадцать киносеансов. А «Наш дом» и Студенческий театр МГУ делили остальные вечера меж собой (минус — елки, маски и обязательные мероприятия). В «кинодне» с улицы Грановского, 3, приходил иной раз пенсионер союзного значения В. М. Молотов. А на спектаклях стояли в проходах другие люди.

Сорок лет за «железным занавесом» наверстывались театром (кажется, в всем поколением) с лихорадочной быстротой: театр протеста, театр абсурда, театр Беккета, Ионеско, обзоров! Авангард 1920-х годов. Первый вечер Мейерхольда. Комедия дель арте. «Синяя блуза»... Театр на Таганке был основан пятью годами позже.

...За спектаклями, еще относительно близкими к «капустникам», — последовали пьеса М. Розовского «Целый вечер как проклятые» (1964) и «Плохая квартира» Виктора Славкина (1966), «Вечер русской сатиры» (1965): «Сон Попова» А. К. Толстого, щедринский «Карась-идеалист», Гоголь — «Театральный разъезд после представления новой комедии».

Затем — «Смех отцов» (1967): Маяковский, Кольцов, «Записные книжки» Ильфа. И только что опубликованный «Город Градов» Платонова. За девять лет, надобно сказать, «Наш дом» изрядно пополнил житейско-исторический опыт. По той же сцене, по которой в 1958 году летел на целину студенческий эшелон, в замызганных сапогах под чтение истории города Градова актеры бессмысленно, безнадежно таскали железнодорожную рельсу с места на место.

...И тогда же, ставя «Театральный разъезд», они вычитали и объявляли на спектаклях в клубе МГУ — бывшем и будущем храме святой Татьяны:

— В этом зале в феврале 1852 года лежал мертв Николай Васильевич Гоголь.

Продолжалась здесь тема Гоголя или — рождалась новая, умная, наивная, молодая цивилизация? Технократическая, исполненная лучших надежд, перешедшая выжженное поле длиной в три-четыре десятилетия. Какая б ни была — она рождалась и крепла.

Театр МГУ «Наш дом», в силу особенностей судьбы и устройства стоявший на стыке, на грани между университетом и консерваторией, актерами театра «Современник» и физиками Пушкина, врачами-реаниматорами и сотрудниками журнала «Юность», становился одним из первых узлов этой Москвы. Просуществовавшей, как известно, очень недолго.

Да кто все же были их зрители? Уцелевшие люди 1920-х годов: В. Б. Шкловский, С. И. Юткевич, Лиля Брик. Назым Хикмет... М. А. Светлов. Еще — А. А. Аникст, С. А. Герасимов, Зиновий Гердт, Андрей Тарковский, Олег Ефремов, Марк Захаров... Аксенов, Вознесенский, Евтушенко; Белла Ахмадулина, Наталья Горбаневская... Синявский и Даниэль. Физики. Лирики. Правозащитники. Академики. Аспиранты.

Среди «самодеятельных» актеров — московских студентов конца 1950-х, репетировавших с семи до полуночи в клубе на ул. Герцена, — были Александр Филиппенко, Семен Фарада, Геннадий Хазанов, Михаил Филиппов, Михаил Кочин.

Прима «Нашего дома», Оксана Кириченко, стала переводчицей. В ее переводе вышла недавно набоковская «Ада». Еще в актерской группе театра состояла, например, студентка Л. С. Петрушевская.

...Зимним вечером, в канун сорокалетия театра, М. Г. Розовский, театровед Александр Аркадьевич Шерель и актер Александр Михайлович Карпов перечисляли имена. Я восхитилась техникой-пластикой, точной интонацией бывших студийцев. Собеседники сказали, вздохнув:

— Это так... Но — вы не видели на сцене Точилкина!

Владимир Точилкин после закрытия театра стал преподавателем актерского мастерства в пирковом училище. Через несколько лет умер от инфаркта.

— Он был бы идеальным актером для Михаила Чехова. — говорит Розовский. — И «Историю лошади», «Хоистомера» я придумал именно для него.

...Композиторами театра были вчерашние студенты консерватории Николай Корндорф, Олег Янченко, Максим Дунаевский. Среди авторов — Григорий Горин и Аркадий Арканов (последний прославился рано — он замечательно играл на трубе в «капустниках» 1-го ММИ), Виктор Славкин, Кудрявицкий и Хайт, Эдуард Успенский, Юнна Мориц...

«Взрослая дочь молодого человека» Виктора Славкина в исполнении Александра Филиппенко — тоже отзвук театра. И ему памятник.

...Да, так вот: «Наш Дом» был закрыт 23 декабря 1969 года, после полугодовых проверок. По инициативе парткома МГУ. Официальные причины были: неуправляемость режиссера Марка Розовского и — бесперспективность студийцев.

Студенческий театр был зеркалом времени в своем цветении и в гибели тоже остался им. После пражских событий меняли идеологическое руководство всех эшелонов. Новый председатель Постелерадио в тронной речи сказал так:

— Профессионалы нам не нужны. В Чехии начиналось с этого: «К власти должны прийти профессионалы».

...Вычитывать «воспоминания о будущем» из старых текстов, грешивших на студенческой сцене, на улице Герцена, — странное занятие. Более всего «бьют» две пьесы.

Кирсановское «Сказание о царе Максе-Емельяне» — ювелирный, раешный стих русского балагана, в 1969 году расцветший на сцене «Нашего дома» острым, почти клоунским гротеском... Пьеса о том, как пропадано без войны царство-государство Макс-Емельяния, где престолонаследников оказалось сорок тыщ, а шить, жать и на дуде играть стало некому. И — пьеса Виктора Славкина «Плохая квартира» (1966): о честной малогабаритной семье, которая по бедности рада была получить квартиру — в тире. В порядке улучшения жилищных условий. И — улучшили, и живут. Знают, когда самый густой обстрел и как уклоняться. От первых пуль изгибаемся, потом привыкли...

Нынешним летом «Радио России» предложило восстановить «Сказание о Максе-Емельяне»... Блеск! «Сыр!» — как говорили там и тогда, но... Нет Владимира Точилкина, игравшего главную роль. Нет многих. Позвонили в Америку Максиму Дунаевскому, композитору спектакля (а было на два действия — 86 музыкальных номеров...). Оказалось — нот тоже нет. Но можно восстановить по памяти.

...И тогда Марк Розовский и Геннадий Хазанов встали к микрофону вдвоем. И — за три смены в студии, вняв в скоморошьи раж, записали четыре части фондового спектакля!

Под Новый год — премьера. Сотрудники радио говорят — получилось замечательно. Только очень остро...

В декабре 1969 года в театре «Наш дом» было около семидесяти студийцев. Приказ по клубу МГУ о ликвидации ударил по каждой судьбе. Начинались семидесятые. И вопрос «Что я все-таки могу сделать один?» — становился главным.

...Альберт Аксельрод (в годы «Нашего дома» ставший еще и одним из основателей КВН) в 1970-е годы создавал Реанимационный центр в Москве. На сцене Вахтанговского театра отлично играей Юлия Рутберг, дочь Ильи Рутберга.

...Марк Розовский получил второй свой театр, театр «У Никитских ворот», — двадцать лет спустя. На углу все той же улицы Герцена.

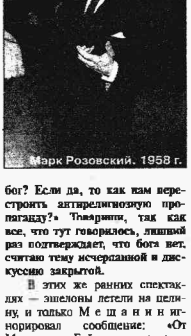
...Тем и разговаривали. Из режиссерских черных дневников лилась лихая и жалобная музыка спектакля «Гамбринус».

В котором, как известно, герой играет в подвале — как бы ни разбивали скрипку и ни увечили в чужом плену и в соседнем участке его самого.

Там, у Куприна, в финале есть по этому поводу чрезвычайно красивые слова. Но рассказ... Рассказ все равно остается чрезвычайно грустным.

● Елена ДЬЯКОВА

Постановочная часть: МАркИ тех лет проектирует «Наш дом»



Марк Розовский. 1958 г.

«Смех отцов» в Университетском театре. На переднем плане — Александр Филиппенко